

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: В ПОИСКАХ «ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕРДЦЕВИНЫ»¹

Александр Коньков, Ованнес Никогосян***

Известно, что Холодная война была игрой с нулевой суммой, где ни одна из сторон или третьих сил не рассматривала в качестве возможной победы любой другой способ, помимо полного сокрушения противника в перспективе. Эта игра закончилась падением Берлинской стены и саморазрушением Варшавского пакта, однако без подписания основополагающего «мирного соглашения», как это случается после любой войны, – во имя налаживания послевоенных отношений между противниками. В результате «...мир остался в запутанной комбинации новых норм, старых институтов [и] с неопределенным лидерством» [1, р. 86]. Как только проигравшая сторона длительного противостояния – Россия – прошла через необходимый процесс восстановления, соперничество в постсоветской части Евразийского региона получила новый импульс. Данная статья посвящена обсуждению тех проблем и предпосылок, которые имеются для реализации очередного интеракционного механизма, предложенного Россией, – Евразийского союза.

Евразийский континент продолжает оставаться главным средоточием мировых противоречий, определяющих повестку дня междуна-

¹ Данное исследование проводится при поддержке Фонда развития и поддержки международного дискуссионного клуба «Валдай».

* К.п.н., преподаватель МГУ имени М.В.Ломоносова.

** К.п.н., приглашенный научный сотрудник (*Visiting Scholar*) в Сенфордской Школе публичной политики, Университет Дьюка.

родных отношений. Исторически сложилось, что даже локальные разногласия, возникающие на этом крупнейшем континенте, имеют большую вероятность рано или поздно приобрести глобальное звучание. Это происходит вследствие высокой концентрации интересов, которые имеют акторы разного уровня в рамках пространства, названного в своё время Х.Маккиндером геополитической «сердцевинной», или *heartland*-ом [2, pp. 421-437]. Вместе с тем, пространство Евразии зачастую неоднородно. Оно характеризуется разным уровнем интеграции и кооперации – от стран с общей валютой и в скором времени общей бюджетной политикой (Европейский союз) до тех, кого объединяет только географическое пространство. Более того, в этом мега-регионе не преодолены даже столетние проблемы: граница между Арменией и Турцией, например, продолжает оставаться закрытой вопреки международным усилиям по армяно-турецкому примирению. Этно-территориальные конфликты и сепарационные движения далее усложняют геополитическую ситуацию: от Шотландии и Каталонии до Южной Осетии и Тайваня. Глобализация, усиливая взаимодействие и взаимопроникновение экономик и культур, только усложняет фрагментацию континента, поскольку, вводя единые метрики прогресса и универсальные инструменты компаративистики, она обозначает явное страновое расслоение.

Европа и Азия, органически разводя континент на два условных полюса цивилизационного тяготения, также не образуют внутренне консолидированных общностей. Европа, создав наднациональные институты в соответствии с изначально установленными стандартами, фактически саморазделилась на тех, кто им соответствует и «достоин» быть частью единой Европы, и на тех, кто им не соответствует. Азия, в свою очередь, в связи с разнородностью, представляет собой набор крупных игроков – Индию, Китай, Японию – и окружающие их регионы, которые развивают интеграционные движения в своих пространствах, таких как

АСЕАН, АТЭС и др. В строгом смысле, Евразия никогда не была единым субъектом мировой политики, но являлась (и продолжает оставаться) целым набором таких субъектов. Понятие *heartland*-а концептуализировало Евразию как объект геополитической деятельности – в том числе для тех субъектов, которые являются частью самого континента.

Предложенная в марте 1994г. президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым идея создания на постсоветском пространстве некоего Евразийского союза государств¹, разделяющих общий уровень социально-экономического развития, культуры и политической конъюнктуры, получила долгожданный импульс накануне предвыборной кампании Владимира Путина в 2011-2012гг. Констатируя завершение формирования Таможенного союза Беларуси, Казахстана, России и начало функционирования между этими странами Единого экономического пространства, он предложил обозначить в качестве следующего приоритета развития интеграции задачу построения Евразийского союза – «мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»². По сути, программная статья теперь уже вновь действующего президента России была вынесена на обсуждение без каких-либо заранее прописанных проектов будущего объединения. Главным аргументом интеграционной идеи стало расширение рынков, устранение торговых и прочих барьеров и совместное развитие.

Теоретически, конечно, дальнейшая экономическая интеграция на постсоветском пространстве имеет целый набор политических, экономических и социально-культурных предпосылок, которые способны принести ощутимые выгоды всем возможным участникам. Однако сам

¹ См.: Назарбаев Н., Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия, 25.11.2011, <http://izvestia.ru/news/504908>.

² Путин В., Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия, 03.10.2011, <http://izvestia.ru/news/502761>.

проект Евразийского союза, по большому счёту, всё ещё находится в области интеллектуальной дискуссии, а не актуальной политики, что обуславливает широкий разброс оценок, страхов и допущений. Иными словами, сегодня вокруг этого проекта больше споров, чем конкретных действий. Кроме того, реализация этой геополитической инициативы таит целый комплекс проблем, связанных как с тем, что не для всех потенциальных членов¹ экономические выгоды являются достаточным аргументом для отказа от диверсификации внешней политики и экономики, так и с альтернативными проектами интеграции и членства в региональных организациях.

Так, если в конце 1990-х Украина, Беларусь, а также государства Средней Азии и Южного Кавказа были сравнительно равноудалены от всех международных центров силы и в процессе деградации старых региональных институтов были в поиске своей культурной и политической идентичности, то в начале второго десятилетия 2000-х некоторые уже склонны видеть себя в орбите евроатлантической интеграционной модели (Грузия), другие заявляют о своем европейском будущем (Армения², Молдова) или же находятся в политическом вакууме (Украина, Беларусь). Если попытаться обобщить доселе доступные дискуссии, обозначавшие опасения и риски заявленного проекта евразийской интеграции, то можно выделить три ключевых вопроса:

1. Был ли анонс Евразийского союза предвыборной внешнеполитической картой В.Путина против стремительного схода с рельсов политики «перезагрузки» с США?

¹ Здесь и далее в тексте, говоря о постсоветском пространстве, мы не будем рассматривать страны Балтии, так как есть осознание того, что членство Латвии, Литвы и Эстонии в двух важнейших организациях евро-атлантического мира – ЕС и НАТО – будет иметь продолжительный эффект и – более того – властные элиты и общества в этих странах более не склонны рассматривать себя как «постсоветское пространство».

² Принятая в 2007г. Стратегия Национальной Безопасности Армении называет «евроинтеграцию» приоритетом внешней политики этой страны.

<http://www.mil.am/files/NATIONAL%20%20SECURITY%20STRATEGYrus.pdf>.

2. Насколько этот проект будет являться добровольным, и можно ли будет сохранять хорошие отношения с Кремлем в случае отказа от такой модели интеграции? То есть членство в новом объединении будет добровольным или «добровольно-обязательным»?
3. Возможна ли такая модель экономической интеграции вообще, имея в виду не всегда комплементарные политические настроения в постсоветских государствах?

Дальнейшее исследование будет исходить из того, что анонс Евразийского союза и целенаправленная политика его построения на основе Таможенного союза и Единого экономического пространства Беларуси, Казахстана и России является довольно весомым аргументом, чтобы не рассматривать первый вариант. Она также и не верифицируема по объективным причинам, поскольку является, скорее, продуктом публицистических статей. Естественно, некоторые историки могут привести множество параллелей между проводимыми Россией интеграционными процессами и в царские, и в советские времена, показать факторы, приведшие к катастрофам и кровопролитию, или предусловия успеха и эффективности. Однако сама идея Евразийского союза интересна и заслуживает глубокого осмысления в первую очередь из-за той международной среды, в которой оказался этот регион, зажатый между стремительно растущим гигантом будущего – Китаем, и Западом в лице ЕС и США.

Множество треков для интеграционной модели

Разная степень политического взаимодействия на постсоветском пространстве привела к формированию и развитию разных объединений внутри одного крупного, которым является СНГ. «Апостол реализма» российского политического истеблишмента¹ Евгений Примаков назы-

¹ *Иноземцев Вл.*, Апостол реализма // Россия в глобальной политике, 21 февраля 2012, <http://www.globalaffairs.ru/book/Apostol-realizma-15473>.

вает отсутствие наднациональных органов и институтов принятия решений главной причиной нежизнеспособности СНГ, и с глубоким недоверием относится к возможности разноскоростной интеграции на постсоветском пространстве [3, с.70-75].

Менее амбициозные форматы внутри СНГ позволяют, во-первых, развивать интеграцию по наиболее актуальным для конкретных участников направлениям, а во-вторых, действовать без оглядки на тех партнёров, которые не готовы к более тесному сотрудничеству по данным направлениям, либо придерживаются других приоритетов в развитии интеграции. Таковыми являются форматы ЕврАзЭС, ОДКБ, Таможенного союза и – в перспективе – Евразийского союза. В большей степени развитие интеграции идёт по линии расширения экономических отношений. Тем не менее политическая составляющая (а также вопросы «твёрдой» безопасности) во всех этих процессах носит определяющий характер. Именно политические отношения выступают либо стимулирующим, либо сдерживающим началом для расширения экономического взаимодействия.

Экономическая интеграция заключается, во-первых, в создании режима максимального благоприятствования для деловых связей между хозяйствующими субъектами разных стран региона, а во-вторых, в формировании единых стандартов самой экономической деятельности (производство, торговля, перемещение товаров и услуг), гармонизации соответствующего внутреннего законодательства. Развитие экономических отношений между странами может также вестись с разной степенью интенсивности. Они могут ограничиваться двусторонними договорённостями (например, между Арменией и Россией), которые, в то же время, могут демонстрировать наиболее высокую динамику в сравнении с другими форматами, а могут вписываться в уже доказавшие свою работоспособность многосторонние организации – ЕврАзЭС или Тамо-

женный союз. Последний являет собой пример радикального продвижения по пути экономической интеграции, когда в кратчайшие сроки обеспечивается формирование действительно единого экономического пространства между Беларусью, Казахстаном и Российской Федерацией.

За неполные четыре года – с 2007г., когда три государства подписали Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза¹, до 2011г., когда таможенный контроль между ними был перенесён на внешний контур их границ, было заключено 38 международных договоров², унифицировавших систему таможенных отношений и создавших базу для дальнейшей последовательной интеграции трёх экономик – в рамках Единого экономического пространства (ЕЭП).

Идея ЕЭП начала своё развитие с заявления президентов тогда ещё четырёх государств – Беларуси, Казахстана, России и Украины о начале формирования единого экономического пространства от 23 февраля 2003г. За ним вскоре последовало Соглашение о формировании ЕЭП, которым предусматривалось заключение около пятидесяти межгосударственных договоров. Работа над этими договорами продвигалась довольно трудно, однако после фактического устранения от переговоров Украины (в случае с которой политические отношения вновь продемонстрировали свою направляющую значимость) приоритетные договоры были заключены в 2010г. между Беларусью, Казахстаном и Россией. Это позволило начать реализацию базовых принципов работы единого экономического пространства: свободы перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы через границы государств-участников [4, сс. 104-112].

Запуск ЕЭП и завершение формирования Таможенного союза вывели интеграционные процессы между тремя странами на новый этап.

¹ Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза, http://www.tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/D_sozdETTiformTS.aspx.

² Перечень международных договоров Таможенного союза, http://www.tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/Perechen_MDTs.aspx.

С 2012г. заработала Евразийская экономическая комиссия – наднациональный орган, обладающий постоянными полномочиями по регулированию широкого круга экономических отношений на территории всех трёх государств-участников¹. Кроме того, был обозначен следующий ориентир для развития сближения экономик региона – Евразийский союз, который позволит снять любые преграды как во взаимных торгово-экономических отношениях, так и в генерации синергетического эффекта от совместного макроэкономического регулирования.

Политика России и мир «из-за кремлевской стены»

Политика России характеризуется стремлением обеспечить свою субъектность как в рамках евразийского континента, так и в мире в целом, а в российской интеллектуальной традиции идея евразийства появилась довольно давно². Линия на активную внешнеполитическую позицию проводилась Россией в ходе всей своей истории. Эта линия чаще всего находила свое воплощение не через сотрудничество, а через антагонизм в духе *realpolitik*, свойственный любой великой державе. Как справедливо замечает видный российский эксперт Сергей Караганов, российская государственность в предыдущие столетия была смоделирована на развитие в ориентире на внешних врагов – с Запада или Востока³, и посему после 1990-х наступили трудные времена, так как в новых условиях Россия оказалась вынуждена искать все новые оправдания для «закручивания гаек» и внутренней мобилизации во имя развития. Так, с началом XXI века российская политика приобрела новое

¹ См. Договор о Евразийской экономической комиссии, <http://www.tsouz.ru/MGS/18-11-11/Documents/Договор%20о%20ЕЭК.pdf>.

² *Slawomir Mazurek and Guy R. Torr*, Russian Eurasianism: Historiosophy and Ideology; *Studies in East European Thought*, Vol. 54, No. 1/2, Polish Studies on Russian Thought (Mar., 2002), pp. 105-123; Article Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/20099785>; [5, 6].

³ *Serge A. Karaganov*, adviser to the Russian presidency. The Interview. <http://www.france24.com/en/20121213-interview-serge-karaganov-russia-putin-opposition-ngos-media-diplomacy-usa-syria-civil-war-assad>.

звучание, соответствующее общему смещению политики страны в русло прагматизма, адресности и «разумной достаточности»¹.

В 2001г. тогда лишь недавно избранный президентом В.Путин заявил, что для страны с таким геополитическим положением, как Россия, «национальные интересы есть везде»². В дальнейшем эти интересы последовательно и недвусмысленно формулировались параллельно росту влияния России на международной арене. Еще в апреле 2005г. в своем послании Федеральному Собранию РФ президент Путин назвал коллапс Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой XX века»³. Позднее, в феврале 2007г., в Мюнхене Путин практически открыто бросил вызов действующему миропорядку и своей агрессивной риторикой вызвал шок в западном сообществе⁴. Практическая безрезультатность политики модернизации в 2008-12гг., финансовый шок мирового кризиса и колебания цен на энергоресурсы, провал политики «перезагрузки» с США (2009-12гг.) и естественное желание институционализировать растущее влияние России на постсоветском пространстве – эти и множество других факторов толкнули нового-старого Путина анонсировать политику развития интеграции на основе Таможенного союза с Беларусью и Казахстаном, включив её в свою предвыборную программу.

Как никогда кстати, уходящая госсекретарь США Х.Клинтон придала планам вернувшегося президента Путина тот импульс, об отсутствии которого говорит С.Караганов. Впервые после начала полити-

¹ *Суслов Д.*, От паритета к разумной достаточности. // Россия в глобальной политике; 20 декабря 2010. <http://www.globalaffairs.ru/number/От-паритета-k-razumnoi-dostatochnosti-15058>.

² Выступление В.Путина на совещании руководящего состава сотрудников дипломатической службы России. Москва, 26 января 2001г., http://archive.kremlin.ru/appears/2001/01/26/0000_type63374type63378type82634_28464.shtml.

³ Послание В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 25 апреля 2005г., http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml.

⁴ Выступление Президента РФ В.Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен, 10 февраля 2007г.Ю http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml.

ки «перезагрузки» (с 2009г.), когда обремененные вялотекущей кампанией в Ираке и Афганистане США пошли на урегулирование двусторонних отношений с Россией на «глобальной шахматной доске», характеризовавшееся постепенным, но временным отходом из постсоветской Евразии, покидающая свой пост Х.Клинтон на министерской встрече ОБСЕ в Дублине наметила признаки новой стратегии: Америка попытается найти «действенные способы замедлить или предотвратить... ресоветизацию [постсоветского] региона»¹. Это заявление («замедлить или предотвратить») многим показалось вырванной из словарей эпохи Холодной войны, где политика государств главным образом подчинялась золотым канонам классической геополитики.

Конечно, негативная реакция Запада на новую российскую интеграционную инициативу во многом объяснима последствиями стереотипного мышления эпохи Холодной войны², что с энтузиазмом, достойным лучшего применения, взяли на вооружение оставшиеся не у дел советологи/кремленологи. Однако высказанная публично из уст пусть уходящего, но всё же действующего госсекретаря США реакция весьма показательна с точки зрения непрекращающегося геополитического противостояния в Евразии.

В середине декабря 2012г. российская газета «Коммерсант» раскрыла интересные детали новой внешнеполитической доктрины России, рассчитанной на новый президентский срок В.Путина. Из утечки можно сделать вывод об идеологическом содержании будущей внешней политики вернувшегося президента, который хочет видеть Россию и мир вокруг нее островом стабильности во «все более трудно предска-

¹ Clinton vows to thwart new Soviet Union // The Financial Times, 06.12.2012, <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0.html>, <http://inosmi.ru/politic/20121208/203094353.html>.

² Суслов Д., От паритета к разумной достаточности // Россия в глобальной политике, 20 декабря 2010г., <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-pariteta-k-razumnoi-dostatochnosti-15058>.

зуемом» и «турбулентном» мире¹. Другой вопрос, что в финансовом и экономическом плане всецело зависящая от мировых цен на природные ресурсы (в основном, экспортируемые в Европу и Китай) Россия вряд ли сможет оставаться «островком стабильности» при мировом экономическом упадке. В этих условиях Россия в очередной раз заявила, что приоритетом своей внешнеполитической деятельности считает углубление интеграционных процессов на пространстве СНГ – по сути, развивая тезисы уже упомянутой предвыборной статьи В.Путина от октября 2011г. Тогда еще внимание экспертов привлек тот факт, что эта статья в «Известиях» изобиловала в основном экономическими терминами и избегала политических формулировок («тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе»²). Однако, как видно из показателей торгового оборота России со странами СНГ, последние находятся отнюдь не впереди списка торговых партнеров. Экспортно-импортные показатели России за 2000-10гг. свидетельствуют, что ее главными торговыми партнерами являются страны «дальнего зарубежья», тогда как страны СНГ занимают ничтожно маленькие проценты из всей карзины³. Вместе с тем, на данный момент ясно, что точкой опоры для возможного объединения станет Таможенный союз, действующий между Беларусью, Казахстаном и Россией. И хотя ни у отмеченных стран, ни у центральноазиатских государств (за исключением Туркменистана, который с 1995г. официально придерживается политики нейтралитета) нет особой альтернативы для «выхода в мир», самостоятельность правящих элит и их лидеров будет оставаться главным вызовом перед реализацией любых интеграционных инициатив на пространстве СНГ. **В практическом плане такой проект может быть реализован по личной инициативе лидеров трех стран, но**

¹ Приход миссии // Коммерсант, № 237, 14.12.2012 <http://www.kommersant.ru/doc/2089373>.

² Путин В., Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия, 03.10.2011, <http://izvestia.ru/news/502761>.

³ Russian analytical digest. №112, 20 April 2012, pp. 12-15, <http://www.css.ethz.ch/publications/pdfs/RAD-112.pdf>.

политические институты внутри этих стран, которые могли бы вдохнуть жизнь в решение лидеров, пусть даже поддержанную их народами по инерции советской ностальгии, на деле отсутствуют. Эта проблема усугубляется предварительным анонсированием сроков: летом 2011г. ещё не заявлявший о намерении баллотироваться в президенты В.Путин отметил, что интеграцию запланировано вывести на новый этап в 2013г.¹ Мировой опыт показывает, что интеграция «в понедельник, к полудню» неизбежно ведет к полному провалу из-за создания искусственных институтов и стимулов на этом пути.

Вопрос статуса членов потенциального объединения является следующим важным вызовом, который предстоит прорабатывать – как на концептуальном, так и на политическом уровне. Сможет ли Россия отказаться от традиционной для себя роли «гегемона» над остальными членами Союза – во многом решит жизнеспособность интеграционного проекта. Если в 1950-х годах Германия, Франция и другие, более слабые и мелкие страны Европы, имея позади богатую историю великих войн между собой, поняли, что лучше стремиться к постепенному отказу от самостоятельности во имя общего блага, то государства Центральной Азии, а уж тем более и Южного Кавказа отнюдь не готовы отказаться от суверенитета, являющегося предметом их национальной гордости и единства. Понятно, что экономическим и идеологическим локомотивом нового объединения в любом его составе будет Россия, но если навешивать управление новым объединением на российскую политическую/бюрократическую элиту – новый Союз рискует перенять все беды современного российского социума. Более того, русский национализм, в последние годы поднимающий голову в российском политическом истеблишменте², может стать одной из главных причин

¹ Путин: Евразийский союз заработает в 2013 году, <http://www.vesti.ru/doc.html?id=506530> . 12.07.2011.

² Золян М., Неожиданное препятствие: евразийский проект и русский национализм // Аналитикон, Ноябрь 2011, <http://theanalyticon.com/?p=1124&lang=ru>.

неэффективности объединения или даже несогласия правящих элит стран СНГ войти в Союз из-за боязни маргинализации в системе принятия решений нового объединения.

Чтобы как-то упростить переговоры с колеблющимися странами региона, можно было бы предусмотреть некоторые опции участия в объединении. Например, в форме государства-наблюдателя, которое может в удобной для себя форме адаптировать нормативную базу Евразийского союза: принимать последовательно и анализировать, как работают те или иные законы, как реагирует на них национальная экономика. Понятно, что участвовать в принятии решений на уровне союза государство-наблюдатель не сможет, но вот присутствовать на ключевых мероприятиях, взаимодействовать в рабочем порядке с руководящими органами союза, участвовать в информационном обмене такому государству можно было бы позволить. Вместе с тем, оставаться постоянно в таком статусе оно не должно: наблюдение должно вести либо к полноценному членству, либо к отказу от него. Поэтому можно было бы ограничить пребывание в таком положении, скажем, пятью годами, после чего страна должна в обязательном порядке принимать соответствующее решение. В случае если государству-наблюдателю не захочется продолжать свое участие в экономическом объединении, оно должно иметь право и возможность покинуть союз – возможно, через организацию местного референдума. Таким образом, союз станет своего рода конфедеративным, живым организмом, где особенно малые участники будут чувствовать себя спокойно и получают нужную «перестраховку» от попыток подчинения или гипотетической «ресевитизации». Подобная опция также оставит открытыми возможности внешнеполитических маневров для более слабых членов объединения, что поможет оставить некоторую автономию (если не суверенитет) для корректирования курса развития соответствующих стран.

Теоретические вопросы безопасности

Как в официальных документах, так и в экспертном понимании безопасность России так или иначе связывается с ситуациями в соседних государствах, с состоянием их безопасности¹, а также степени политической отдаленности от Москвы. И это легко объяснимо. Большинство угроз, имеющих внешнее происхождение (а таковыми в широком смысле являются любые угрозы безопасности, поскольку устойчивость государства как системы зиждется на его внутренней консолидированности и самодостаточности), легче всего могут проникать через сопредельные государства. Это относится к таким рискам, как терроризм, наркотрафик, эпидемии и т.д.

Ключевую роль в российском видении безопасности играют отношения со странами постсоветского пространства – и не столько в силу их ближайшего расположения (ряд стран «дальнего» зарубежья также имеют с Россией общую границу), сколько вследствие глубоких, исторически сложившихся связей торгово-экономического, культурного и, конечно, межчеловеческого характера. Справедливости ради следует подчеркнуть, что после того, как Россия «оправилась» после разрухи 1990-х, она всегда пыталась не только сохранить институт «цивилизованного развода» – СНГ – но также стремилась не допустить их полного провала, находясь в активном поиске работающих альтернатив. Со стремительным скачком цен на энергоресурсы, особенно после войны в Ираке (2003), попытки восстановить объединяющие институты на постсоветском пространстве заметно активизировались. Однако результатов так и не последовало. Одной из главных причин можно выделить «традиционный силовой подход к соседям, отражаю-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», <http://kremlin.ru/news/15256>; Charap S., Troitskiy M., U.S.-Russia Relations in Post-Soviet Eurasia: Transcending the Zero-Sum Game, <http://valdaiclub.com/publication/31820.html>.

щийся в смешении грубой силы и институциональной слабости, обернутой дискурсом, в основном напоминающем прошлое»¹.

Очевидно, что безопасность глобальных игроков мировых отношений является косвенным основанием для безопасности менее крупных соседей: для собственной стабильности важна стабильность на границах. Поэтому активизация диалога и прямое участие соседних государств означает реальное укрепление собственной безопасности. Безопасность России означает и безопасность её соседей по постсоветскому пространству. И наоборот: уязвимость России по тем или иным позициям ослабляет соответствующие позиции стран «ближнего» зарубежья.

Стабильность как важнейший фактор обеспечения и поддержания безопасности необходимо отличать от застоя и сдерживания развития. Любые реформы и смены приоритетов являются безусловным суверенным правом любого независимого государства. Вместе с тем, соблюдение всех взятых ранее на себя обязательств и преемственность отношений и договорённостей отражают суть стабильности международного взаимодействия и напрямую характеризуют безопасность вовлечённых государств.

Если стабильность в означенном смысле – стратегическая задача для государства в рассматриваемом регионе, то важнейшая составляющая её реализации – это устойчивые отношения с Российской Федерацией. При всём разнообразии оценок и подходов к внешнеполитической ориентации, распространённых в разных странах региона, сами понятия угроз и/или безопасности не могут рассматриваться без учёта тех задач, которые ставит перед собой Россия, находящаяся в самой непосредственной близости. Любые активные действия и, тем более, геополитические манёвры Российской Федерации на евразийском

¹ *Dragneva R., Wolczuk K.*, Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry? Chatham House, August 2012, http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0812bp_dragnevawolczuk.pdf.

пространстве так или иначе находят отражение в повестке дня соседних государств. Например, накануне и после крупных международных форумов, на которых не представлены другие страны СНГ (*G8, G20, АТЭС*), российское руководство, как правило, проводит консультации со своими соседями. Реализация интеграционных идей, в том числе, но не только, евразийской интеграционной модели, будет напрямую зависеть от того, насколько целесообразно и ответственно Россия будет применять свои возможности и потенциал.

Стратегическая задача, сама собой объединяющая все без исключения страны постсоветского пространства, – это поиск формулы, способной свести воедино традиционно тесный характер отношений этих стран с Россией с плюрализмом внутривнутриполитических оценок и решений. Если удастся подавить зачастую сугубо исторические, обусловленные прошлым эмоции, проникающие на уровень актуального межгосударственного диалога, и вытеснить их в формат научных дискуссий между соответствующими специалистами, есть шанс продвинуться по пути реализации обозначенной задачи и установить баланс отношений, определяющихся как минимум прагматизмом и взаимной выгодой, а как максимум – доверием и взаимопониманием.

До недавнего времени все республики бывшего СССР, за исключением стран Балтии, являлись членами СНГ, которое продолжает оставаться базовым интеграционным механизмом, предусматривающим самую широкую повестку для обсуждения, но при этом минимальные обязательства со стороны государств-членов. Это площадка, обозначающая общие рамки субъектности постсоветского пространства, которая на деле не стала ничем более полезного «дискуссионного клуба» для не всегда демократически избранных лидеров.

Если на макроуровне противостояние общим угрозам – терроризм, наркотрафик и проч. – является естественным, то на микроуровне, т.е.

между самими государствами региона, проблемы остаются не только нерешенными, но и более углубляются в ожидании «большого взрыва». Конфликт в Нагорном Карабахе, исторические противоречия между центрально-азиатскими странами, вопрос Приднестровья, ситуация в Грузии, плюс также потенциальная внутривосточная нестабильность почти во всех странах постсоветского пространства – вот лишь краткий список всех тех проблем безопасности, которые делают реализацию торгово-экономических проектов между странами региона проблематичной. Эти конфликты в большинстве своем не появились после распада СССР, а латентно существовали и в советские годы. Тогда ни система общего хозяйствования, ни репрессии не решили проблем. Сможет ли Россия способствовать решению хоть одного из этих вопросов – до конца не понятно, поскольку сами стороны не заинтересованы в *win/win* решениях. Однако очевидно, что эффективное развитие интеграционной модели Евразийского союза будет невозможным без создания такого механизма решения проблем и принятия решений, где малые государства с их большими проблемами будут участвовать в данном процессе на основе собственного согласия, а не принуждения.

Обобщая взгляды потенциальных членов

Если России Евразийский союз нужен зачастую для увеличения своих возможностей в игре с Китаем, ЕС и США¹, то потенциальным «ферзям» и «пешкам» на «большой шахматной доске» необходимы более чем экономические выгоды для отказа от западной или, как в случае с некоторыми центральноазиатскими государствами, – от китайской

¹ Некоторые видные эксперты ставят под сомнение не только возможности наднациональной интеграции на постсоветском пространстве, но также «добавочную стоимость» будущих членов Евразийского союза для экономики России. Например, В.Иноземцев пишет, что зависящие от экспорта природных ресурсов экономики России и Казахстана (плюс Беларусь) вместе создадут ВВП, всего на 15% превышающую нынешний показатель только России, а в целом эта величина «...окажется зажат[ой] между ЕС (\$15,6 трлн.) и Китаем с (\$11,2 трлн.)» – Иноземцев В., *Новый проект интеграции основан на ощущении слабости и маргинализированности каждого из ее участников* // Известия, 1 ноября 2011. <http://izvestia.ru/news/505572>.

альтернативы. Более того, формат членства в Союзе и возможности участников должны быть выстроены таким образом, чтобы не ущемлять их права и суверенитет.

Некоторые эксперты, как, например, Марлен Лорель из Университета Джорджа Вашингтона, высказывают мнение, что «путинский Евразийский союз в основном нацелен на Центральную Азию, в меньшей степени на Южный Кавказ, [а также] на реинтеграцию Украины в объятия России»¹. Автор довольно правдоподобно сгруппировала страны по их позициям относительно идеи евразийства: Туркменистан, Грузия и Узбекистан, согласно Лорель, позиционируют себя вне этой идеи, тогда как Киргизия, Таджикистан, Армения и Азербайджан проводят политику тихого «нет, спасибо»². Наблюдая за политикой Кремля в направлении «ближнего зарубежья», приходишь к выводу, что говорить с несогласными будут со «словарным запасом» рыночных отношений. Судя по риторике, исходящей из Кремля, архитектор(ы) новой интеграционной модели задумывают не идеологический союз государств, как это было во время СССР, а вполне прагматичную унию независимых государств на основе общности торгово-экономических интересов. Конечно, в таком случае не вполне понятна, мягко говоря, обидчивость Москвы на, в основном, несменяемых коллег глав государств СНГ, на их «вежливые отказы» от новой интеграционной модели. Есть вероятность того, что случайно из-за такой обидчивости Кремля будет также подниматься цена за газ для этих государств – по всем канонам беспощадного «рынка». Как было отмечено выше, недостаточная свобода потенциальных членов в будущей схеме интеграционных механизмов будет «ахиллесовой пятой» любой архитектуры.

¹ *Marlène Laruelle*, When the “near Abroad” looks at Russia: the Eurasian Union Project as seen from the southern Republics; Russian analytical digest, №112, 20 April 2012, <http://www.css.ethz.ch/publications/pdfs/RAD-112.pdf>.

² Там же.

Вместо заключения

Для некоторых стран СНГ, таких как Армения, Молдова и Украина, политика евроинтеграции является важной вехой внешней политики, что проявляется в реализации огромного пакета реформ системы управления и институтов, обновления законодательной базы и политической системы; для ресурсных стран, как, например, Азербайджана, Узбекистана и Казахстана, сохранение власти для правящей элиты настолько приоритетно, что в отношениях с внешним миром преференции даются не столько тем, кто имеет высокий потенциал инвестиций, сколько тем, кто также не будет «читать лекции» по правам человека и демократии. Для Грузии, вышедшей из СНГ, движение к евроатлантической модели интеграции продолжит играть доминирующую роль, хотя победа «Грузинской мечты» на октябрьских парламентских выборах 2012 г. сделает это движение более сбалансированным и разумным, имея в виду территориальные проблемы с Абхазией и Южной Осетией (читай: Россией). Киргизия, будучи в состоянии экономического коллапса, по всей вероятности, будет двигаться в русле региональной динамики, следуя за Казахстаном и Россией. Именно в такой среде Россия пытается «продать» идею евразийства, которая в США, да и в некоторых обществах потенциальных участников такого объединения понимается как «ресоветизация» по модернизированной модели. По нашему видению, именно это и есть тот тонкий канат, который выдержит только очень осторожного канатоходца – причём в смысле безопасности не только исполнителя, но и самой веревки.

Главной политико-идеологической проблемой для консолидации и интеграции на евразийском пространстве остается российская политика «ближнего зарубежья», которая предполагает, что странам региона необходимо заручиться поддержкой или хотя бы не-негативной позицией Москвы, прежде чем начинать какие-либо внеш-

неполитические и экономические инициативы. Страны, которые в большинстве своем в первый раз за последнее столетие завоевали свободу и независимость (как «свобода» реализуется на деле – предмет другой дискуссии), чувствуют себя как минимум некомфортно в «тесных объятиях» Москвы. Зачастую эти «объятия» являются главным препятствием для эффективной политики Кремля (в качестве примера можно привести общественное неприятие в Армении открытия русскоязычных школ, которое российское посольство сначала игнорировало, а затем уже не смогло проконтролировать, что умножило анти-российские настроения в Ереване). Режим *laissez-faire* кажется наиболее благоприятным для обеспечения эффективного функционирования системы сдержек и противовесов в Союзе, что будет самой надежной защитой от злоупотреблений доминирующего положения одной из стран-членов.

Январь, 2013г.

Источники и литература

1. *Ikenberry G. John*, "The Costs of Victory: American Power and the Use of Force in the Contemporary Order," Kosovo and the Challenge of Humanitarian Intervention, ed. by Albrecht Schnabel and Ramesh Thakur. – New York: United Nations University, 2000.
2. *Mackinder H. J.*, The Geographical Pivot of History. *The Geographical Journal*, Vol. 23, №4, April 1904.
3. *Примаков Е.М.*, Мысли вслух. – М.: «Российская газета», 2011.
4. *Пивовар Е. И.*? Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. – СПб.: Алетейя, 2008.
5. *Трубецкой Н.С.*, Европа и человечество // Классика геополитики, XX век: Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003/
6. К истории евразийства. 1922—1924 // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994.

EURASIAN INTEGRATION: IN SEARCH OF «GEOPOLITICAL HEARTLAND»

Alexander Konkov, Hovhannes Nikoghosyan

Resume

The article discusses the recent developments in the “geopolitical heartland” in Eurasia, where Russian President Vladimir Putin elaborated the strategy to establish Eurasian Economic Union among the states of former Soviet Union. Arguably some, like Kazakhstan and Belarus, have already joined the initiative and together with Russia have been following up in creation of institutions of the forthcoming arrangement, while some others, like Armenia or Ukraine – have been reluctant to show eagerness from the scratch. Here we discuss the major ideas that might have been put behind the Eurasian Union as well as major impediments which would be challenging the geopolitical initiative, fully dependant on the political goodwill of relevant elites and leadership of new nation-states, and not the nations at large due to the peculiarities of their political standing. Shall the reluctant states wish to join – remains to be seen, as it correlates with the masterfulness of Russian elite, provided the diplomatic sticks and economic carrots that the new arrangement may bring. This is a very thin tightrope, which will afford only a careful runner both for the safety of the ‘performer’ and the ‘rope’, i.e. Russia and its links to former protectorates.